

Н.А. Мишанкина

**МЕТАФОРА КАК ИНСТРУМЕНТ МОДЕЛИРОВАНИЯ
КОНФЛИКТНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ В НАУЧНОМ
ДИСКУРСЕ¹**

Статья посвящена процессам метафорического моделирования научного исторического дискурса. Научная метафора рассматривается как гносеологический феномен, позволяющий смоделировать гипотетическую ситуацию. Специфика научного моделирования проявляется в том, как посредством текстовых метафор в научном тексте формируется целостная метафорическая модель, позволяющая представить новые аспекты исследуемого явления и формирующая отношение к событию, явлению или феномену.

Ключевые слова: научный дискурс, лингвистические и когнитивные модели, концептуальная метафора, метафорическая модель, историческое событие, картина мира, внутритекстовая система метафор.

Научная деятельность уже давно спонтанно выделяется исследователями и носителями языка как целостная система специализированной коммуникации. Она обладает всеми признаками институциональности: особым типом участников, хронотопом. Основная ее цель – познание и, соответственно, ценность – научное знание о мире, необходимое для прогрессивного развития человечества. В рамках этой коммуникации выработаны специфичные стратегии и жанры их текстового воплощения. Тексты научного дискурса обладают целым рядом специфических языковых средств, определяемых как научный стиль. Обязательными и определяющими для научного дискурса являются активная прецедентность, виртуальный диалог автора с учеными, заявившими свою точку зрения ранее, который реализуется как интертекстуальные связи в рамках научного дискурса.

Научная коммуникация получает последовательное отражение в системе научных текстов, обладающих рядом особенностей, связанных со спецификой коммуникативных взаимодействий в данной сфере. Тексты, в свою очередь, воплощают тип специфичного для науки миропонимания или дискурсивную картину мира, которую, вслед за З.И. Резановой, мы понимаем как «динамическую подвижную систему смыслов, формируемую в координируемых коммуникативных действиях адресантов и адресатов в соответствии с системой их ценностей и интересов и включенных в социальные практики» [1. С. 43]. Эти три составляющие в целом и представляют собой научный дискурс: систему коммуникативных актов познавательного характера – сис-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг. (тема: «Когнитивные модели текстопорождения в коммуникативном существовании языковой личности»); государственный контракт № 14. 740.11. 0567 от 05.10.2010 г.).

тему текстов, порожденных и порождающих эти акты, – систему декларативных и операциональных знаний о мире, а также способов его познания.

Данная модель дискурса является двунаправленной: с одной стороны, специфика коммуникации и социальные практики определяют построение текстов и отраженное в них мировидение, с другой – научное мировидение, транслируемое через массив научных текстов, определяет коммуникативные правила или порядок дискурса. Подобная замкнутость позволяет обратиться к любому из элементов для описания всей системы в целом, т.к. все элементы взаимоопределяемы и взаимообусловлены.

Научная картина мира является органической частью научного дискурса, и на основании того, каким образом она моделируется, возможно проследить моделирование научного дискурса в целом. Анализ теоретических работ, посвященных проблематике формирования научного знания, проблемам гносеологии, позволяет говорить о доминировании в этой сфере механизмов аналогии, метафорических механизмов (см., например, работы [1–10]). Это заставляет по-новому взглянуть на функции метафоры в познании в целом, т.к. метафорическая модель позволяет перенести структуры уже имеющегося знания, опыта на неизвестные фрагменты действительности. Это делает возможным предположение о том, что гносеологическая функция метафоры очень значима: метафорические механизмы, базирующиеся на интуитивном поиске аналогии в уже имеющемся опыте индивида, составляют основу гносеологии.

Такое понимание метафоры выдвигается в науке XX в.: семиотика, структурная и когнитивная лингвистика, феноменология, аналитическая философия и теория познания актуализировали эту важнейшую функцию метафоры. Философская рефлексия рассматривает метафорические механизмы как базовые при формировании абстрактного мышления: метафорическая номинация активизировала операции сопоставления свойств различных объектов и выявление их сходства и различия, «отрыва» признаков от объектов [4. С. 11, 68–74].

Метафорическая модель, обладающая особой эвристической силой и информационной емкостью, становится основным эпистемологическим инструментом. Познание базируется на метафорическом допущении о сходстве непознанного и уж известного и моделируется посредством переосмысления отдельных образов объектов реальной действительности. Метафора основывается на моделях, элементарных с точки зрения разложимости, таких как фреймовые структуры (описание механизма метафоризации на уровне фреймовых структур см. в работах [11–14]), гештальты, кинестетические образ-схемы, которые мы можем назвать идентифицирующими, т.к. они соотносятся с некоторыми фрагментами действительности. Но при этом она выступает основой для создания синтетичного ментального пространства, как его понимает Ж. Фоконье, объединяющего как минимум две элементарные структуры и представляющего новый вариант виртуальной реальности или смешанное (интегративное) пространство в терминологии авторов теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера [15]. Рассматривая метафорическое взаимодействие понятийных областей, исследователи указывают на то, что в результате такого взаимодействия появляется независимое метафорическое

пространство с новыми свойствами (по отношению к исходным объектам). Авторы убедительно демонстрируют формирование такого пространства в случае образования метафорического астрономического термина *черная дыра*. Итак, метафора объединяет в своей структуре идентифицирующие модели и участвует в конструировании более сложных ментальных пространств, связанных с представлением новых сущностей, особенно тех, что не могут быть познаны путем непосредственного восприятия, занимая таким образом центральное положение в моделирующей деятельности.

Немаловажным является и то, что метафорическая модель как базовая для научного дискурса в определенном смысле спонтанно выделяется исследователями. Еще один параметр – количественное доминирование метафорических моделей разного уровня в научном тексте. Все это свидетельствует о ключевой роли концептуальной метафоры в научном дискурсе.

М. Фуко отмечает еще один значимый параметр научного дискурса, который, с нашей точки зрения, тесно связан с понятием научной парадигмы и метафорической модели, лежащей в ее основе. Говоря о том, что отдельная наука никогда не равна системе знания, или научной картине мира, он в качестве ключевого дискурсивного параметра выдвигает сам процесс познания, т.к. «...ботаника и медицина, как и любая другая дисциплина, составлены не только из истин, но и из ошибок, причем ошибок, которые не являются какими-то остаточными явлениями или инородными телами, но обладают некоторыми позитивными функциями, некоторой исторической эффективностью, некоторой ролью, зачастую трудно отделимой от роли истин. Но, кроме того, чтобы то или иное положение принадлежало ботанике или патологии, оно должно отвечать условиям в известном смысле более строгим и более сложным, нежели чистая и простая истина; во всяком случае – другим условиям» [16. С. 66].

Что же представляют собой эти другие условия? По мнению М. Фуко, это определенный тип объектов, на который обращает внимание исследователь и относительно которого порождается высказывание, кроме того, должен быть использован специфичный для определенного этапа развития научной дисциплины концептуальный аппарат. «...Начиная с XIX века высказывание не являлось уже больше медицинским, вываливалось "за пределы медицины" и расценивалось либо как индивидуальный фантазм, либо как плод народного вымысла, если оно пускало в ход одновременно метафорические, качественные и субстанциальные понятия (такие как "закупорка", "разгоряченные жидкости" или "высохшие твердые тела"). Однако высказывание могло и даже должно было прибегать к понятиям равно метафорическим, но основанным уже на другой модели, на этот раз – функциональной и физиологической (это могло быть "раздражение", "воспаление" или "перерождение" тканей)» [16. С. 66]. Как можно убедиться, ученый обращает внимание на условия принадлежности к определенному типу дискурса как на принадлежность, соответствие определенной научной парадигме, которая доминирует на определенном этапе развития науки. Нельзя оставить без внимания и тот факт, что Фуко отмечает метафорическую природу парадигмальных установок.

Эвристичность и информационная емкость метафорической модели напрямую связаны со спецификой метафорического моделирования, включаю-

шей следующие аспекты: 1) свойственное именно для механизма метафоризации сочетание двух принципиально отличных друг от друга способов осмысления мира: интуитивного и рационального; 2) синтетичность метафорической модели, включающей как новую, так и уже известную информацию, при этом выбор опорного знания остается результатом свободного ассоциирования автора метафорического высказывания, что придает метафорической номинации особую «креативную» силу; 3) метафорическая модель входит в текст посредством ограниченного количества репрезентантов, содержа в свернутом виде потенциально бесконечное количество компонентов. Наличие значительного количества имплицитных компонентов, латентной информации ведет к тому, что метафорическая модель, будучи одновременно емкой и компактной, легко занимает позицию интертекстуального компонента; 4) интеракциональность метафорической модели определяет ее эвристичность, напрямую связанную с гештальтно-фреймовой организацией. Фрейм, репрезентантами которого выступают языковые единицы, создает схему, каркас образа, объединяющий коммуникантов, но при этом есть индивидуальное «наполнение» данной схемы, обусловленное личным опытом говорящих. В силу этого метафорическая модель варьируется для автора и читателя текста и находится в зависимости от фоновых знаний коммуникантов, актуализируя сходные, но не идентичные когнитивные структуры. Об этом свойстве говорят Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей известной работе, описывая такие параметры как «использованные» и «неиспользованные части исходного образа» [17. С. 89]. С.С. Гусев отмечает, что «Д. Пойа, ссылаясь на свой опыт математических исследований, говорит об эвристичности таких языковых конструкций, как «стиснутые корни», «выбивание корней многочленов» и пр.» [4. С. 136].

Эффективность механизма метафоризации связана с опорой на все виды опыта, полученного индивидом в течение жизни. Проблема определения роли метафорической концептуализации в научном познании достаточно актуальна в последнее время, и исследования, проводимые в различных научных сферах, позволяют говорить о том, что данный вид концептуализации является едва ли не базовым. Понятие метафоры в этом случае значительно трансформируется по отношению к традиционному. В рамках когнитивной концепции метафора представлена не только и не столько как языковой феномен, сколько как феномен психический. Наличие метафорических выражений в языке – это следствие существования метафорических моделей в психической сфере человека [17].

В этой связи необходимо обозначить наше понимание терминов, активно функционирующих в сфере гуманитарных наук и являющихся ключевыми для нашей работы: «концептуальная метафора», «метафорическая модель», «тип метафорической модели».

Основополагающим для нашего исследования является понятие «*концептуальная метафора*», понимаемая нами вслед за целым рядом исследователей (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Дж. Лакофф, М. Джонсон, З.И. Резанова, А.П. Чудинов и др.) как *базовая когнитивная модель, основанная на аналогии и позволяющая осмысливать объекты (явления, сущности) на основе знаний о других объектах (явлениях, сущностях)*. Эта модель получает регулярное вы-

ражение в языке, дискурсе, тексте в виде целостной системы метафорических выражений. Концептуальная метафора имеет широкие возможности языковой реализации: от традиционного лексико-семантического варьирования до модели, участвующей в выстраивании целостного текста либо дискурса.

Вследствие того, что концептуальная метафора принадлежит в большей степени когнитивной сфере, ее реализацию в языке мы будем обозначать как *метафорическую модель*, которая объединяет систему речевых репрезентантов – *текстовых метафор*. При этом текстовая метафора может представлять собой более или менее устойчивую и воспроизводимую структуру, т.е. является *языковой* – регулярной, повторяемой, всем известной или *окказиональной*, в которой привлекаются новые репрезентанты модели, единицы, ранее не выполнявшие данную функцию. В проводимом анализе мы, таким образом, учитывали разные варианты реализации метафорических моделей.

В связи с тем, что мы рассматриваем метафорическое моделирование дискурса как целостный, лингвокогнитивный процесс, для нас значимо единство концептуальных и лингвистических операций, поэтому, рассматривая систему научных текстов и анализируя текстовые метафоры, мы выявляем метафорические, а затем и концептуальные модели различного уровня.

В качестве опорной нами принимается типологизация концептуальной метафоры, представленная в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона [17]. Исследователи выделяют три основных типа концептуальных метафор: онтологические, ориентационные и структурные, исходя из того, что метафоры первого типа представляют результаты концептуальных операций на базе доязыкового опыта и проецируют самые общие параметры некоторых базовых понятий, таких как объект, вещество, живое / неживое, вместилище. Ориентационные (пространственные) метафоры концептуализируют пространственные параметры: ориентацию и направление движения, а также виды пространства (открытое / закрытое), схемы структурирования пространства (центр – периферия) и маршруты движения (начало движения – путь – цель). Структурные метафоры проецируют структуру одной понятийной сферы на другую, представляя детали организации, внутреннее устройство второй понятийной сферы. Следует принять во внимание также то, что одна текстовая метафора может объединять в себе несколько типов концептуальных метафор, например, структурная метафора обязательно формируется на основе онтологической, т.к. нельзя представить структуру объекта без допущения, что нечто является объектом. Это справедливо и по отношению к пространственной метафоре.

Типология метафорических моделей, получающих реализацию в научном тексте, выстраивается на основе анализа их функционирования. Метафорическая организация научных текстов позволяет говорить о нескольких уровнях функционирования в нем моделей, связанных с дискурсивной специализацией средств естественного языка, которая напрямую касается отбора метафорических моделей, задействованных в моделировании ментального пространства той или иной научной сферы. Выявление функциональной неоднозначности метафорических моделей, участвующих в моделировании научного дискурса, позволяет говорить о научном дискурсе как негомогенном феномене: дискурсивно-онтологическая метафора формирует ментальное простран-

ство научной деятельности (*научная область*), гносеологическая – представление о научных феноменах как отдельных явлениях (*гносеологический Робинзон*) и исследуемом объекте в целом (*язык – это организм*), коммуникативная – актуализируется в процессах дидактических.

Условно мы можем выделить следующие уровни. На уровне научного текста функционирует внутритекстовая метафорическая модель. Каждый текст в рамках научного дискурса создается как воплощение интеллектуальных интенций автора и дискурсивных параметров. Каждый научный текст включает метафорические модели, выстраивающие ментальное пространство, в котором осуществляются научная деятельность и научная коммуникация. В этом случае из всего спектра общезыковых метафор выбирается и используется система устойчивых метафорических моделей, представляющих специфичность организации данного пространства и способов действия в нем. Эта система является общей для любых научных областей и маркирует текст как принадлежащий к научному дискурсу, метафорические модели, привлекаемые для этой цели, мы обозначили как *дискурсивно-онтологические*. Одновременно каждый текст как целостное высказывание представляет некоторую модель объекта научного познания. Эта модель также выстраивается на основе механизма метафоризации, при этом моделируется как сам объект, так и некоторая система понятий, необходимая для его представления, отображаемая в системе терминов, репрезентирующих данную модель. Этот тип моделей выполняет собственно гносеологическую функцию и, соответственно, получает название *гносеологических*.

На уровне научной парадигмы функционирует интертекстуальная парадигмальная модель. В рамках научной коммуникации гносеологическая метафорическая модель, представленная в одном из научных текстов, приобретает интертекстуальный характер – заимствуется в качестве принимаемой за основу или критикуемой (отвергаемой). Система научных текстов, реализующих подобные метафорические модели представления объекта научного описания, образует парадигму – модель, имеющую интертекстуальный и даже интердискурсивный характер, выходящую за рамки отдельного текста. Одновременно с парадигмальной моделью привлекается и терминологическая система, зачастую имеющая метафорический характер, коррелирующий с парадигмальной метафорой.

Уровень научного дискурса позволяет выявить функционирование внутридискурсивных моделей: метафорические модели терминологического или парадигмального характера могут выходить за пределы дискурса отдельной научной дисциплины и оказываются востребованными в других научных областях, оказывая, таким образом, влияние на модели представления объекта описания в рамках других дисциплин. С.С. Гусев ссылается на то, что академик И.П. Павлов «...описывал механизм образования временных нервных замыканий, метафорически отождествляя нервную систему с телефонной станцией» [4. С. 136]. Привлечение термина приводит к развитию терминологической полисемии и представляет собой еще один уровень метафоризации уже в рамках научного дискурса. При этом давно функционирующие термины представляют собой своего рода «стершиеся» метафоры и вступают в новые семантические отношения.

Следующий уровень функционирования – интердискурсивный. Он предполагает еще более существенное расширение сферы функционирования научных метафорических моделей; с одной стороны, они переходят в область культуры, образования, общих областей знания, с другой – базовые для культуры в целом концептуальные метафоры трансформируются в рамках научного дискурса.

Таким образом, научный дискурс, используя общеязыковые модели, порождает новые метафоры как способы видения, воздействуя на развитие общего фонда знаний, представление о мироустройстве.

Цель формирования научного дискурса – познание мира, и поэтому он формируется как специфическая ментальная среда, в которой исследователи предлагают различные гипотетические модели объектов познания в своих научных текстах. Как правило, научные тексты можно условно разделить на две основные группы: 1) представляющие новую метафорическую модель объекта исследования и опровергающие предыдущие; 2) разрабатывающие детали и аспекты уже предложенной ранее (в другом тексте) модели. Во втором случае происходит частичная переработка модели, рационализация и уточнение, в некоторых случаях – трансформация. В первом – автор предлагает свою модель, но в рамках «порядка дискурса» он обязан ввести в текст уже существующие модели и подвергнуть их критической оценке. Обычно такая критика основана на деконструкции заимствованной метафоры и указании на ее неадекватность объекту. Как правило, модель, представленная в тексте первого типа, претендует на начало смены научной парадигмы, а тексты второго типа развивают ее. Данную ситуацию может проиллюстрировать то, каким образом была развита модель «Язык – это система», введенная в научный оборот Ф. де Соссюром, в работах структуралистов различных школ.

Однако далеко не все модели, представляемые в научных текстах впервые, становятся парадигмальными и определяют новое понимание объекта исследования для научного направления в целом. Тем не менее, как уже говорилось выше, каждый научный текст представляет авторское видение объекта либо какой-нибудь из его аспектов как систему текстовых метафор, выступающих репрезентантами целостной метафорической модели гносеологического типа. Различные метафорические модели, используемые автором при создании научного текста, как правило, формируют целостную метафорическую систему, способствующую реализации основной идеи текста. Текстовая модель поддерживается и за счет терминологической метафоры, активно функционирующей в научном тексте и представляющей отдельные детали метафорической модели объекта исследования.

Хотелось бы отметить еще одну специфическую для гносеологической метафоры черту: все метафоры, реализующие гносеологическую функцию, по типу модели являются структурными. Онтологическая и пространственная метафоры выступают основой для структурной модели. Это связано, по нашему мнению, с процессом онтологизации знания, о чем уже говорилось ранее¹. Онтологическая и пространственная метафоры фиксируют наиболее

¹ См. также по этому вопросу работу [18].

ранние, древние способы осмысления и поэтому редко рефлексированы. Например, метафорическое допущение о том, что язык, война, кризис и т.п. могут являться живым существом или инструментом, предполагает предварительное допущение о том, что он является объектом, а далее происходит уточнение – какого типа этот объект. Поэтому в данном случае мы подвергаем анализу только структурную метафору, т.к. именно она задает новые структуры, соотнося новые понятийные области в процессе познания.

В данной работе мы предлагаем рассмотреть формирование *внутритекстовой метафорической системы*, представляющей объект исследования с точки зрения автора-исследователя в историческом тексте.

Исторический текст выстраивается как некоторая виртуальная модель, но специфика ее состоит в том, что в этом случае моделируется ментальное пространство прошлого. В историческом тексте пересоздается ситуация, система событий, оценок, людских жизней и т.п., и эта модель претендует на статус реконструкции, т.к. предполагается, что она воссоздает истинное положение дел в прошлом. Однако, как пишет голландский исследователь Ф. Анкерсмит, невозможно выстраивать репрезентацию прошлого, не имея некоторой точки зрения, своего образа прошлого: «У самого прошлого нет никакой «сущности»: в прошлом не существует эпизодов или аспектов, которые к полному удовлетворению историка помечены ярлыком: «это сущность». Выражение «сущность (фрагмента) прошлого» не является идентифицирующей дескрипцией фрагмента или аспекта самого прошлого; будь это так, написание истории оказалось бы очень простым занятием... Каждый раз, говоря: «Это является сущностью (фрагмента) прошлого», мы указываем на *интерпретацию* прошлого, а не на часть действительного прошлого (хотя, конечно, эти интерпретации содержат ссылку на само прошлое). «Сущность», если угодно, всегда есть творение историка» [3. С. 85].

Американский историк Х. Уайт говорит о том, что прошлое представляет собой хаос данных, из которого историк создает в акте творчества, в поэтическом акте, некоторый целостный образ и только потом формирует нарратив как описание этой картины [19. С. 30–31]. Поэтому в определенном смысле нарратив навязывает свою структуру прошлому, не имеющему своей структуры или, вернее, имеющему ее каждый раз новую в новом нарративе [3. С. 128]. И поэтому «в историографии нет неизменных результатов; нет – и никогда не будет – такой книги по какой-то общей исторической теме, которую все историки признают выражением окончательного «видения как...» и которая оставляла бы лишь возможность изучения некоторых подробностей [3. С. 131]. Ф. Анкерсмит выделяет следующие объекты, моделируемые в историческом нарративе: нарративные субъекты (образы исторических лиц) и нарративные субстанции – «связывающие понятия» – «тезисы» об историческом прошлом или его «интерпретации», которые 1) служат историку руководством при построении нарратива и 2) выражают содержание или когнитивное ядро исторических нарративов [3. С. 145].

В рассмотренных нами исторических текстах в качестве нарративной субстанции может выступать метафора, восходящая к какой-либо метафорической модели и задающая интерпретацию того или иного исторического события.

Историографический источник создается с целью передачи информации о прошлом, его автор претендует на непредвзятое изложение событий, научную позицию по отношению к описываемому, что требует привлечения дополнительных средств «объективации» информации. Становление русской научной историографии связывается с рациональным типом мышления и, соответственно, текста, его отражающего. Он отвечает определенным критериям, включающим: 1) опору на широкую фактографию; 2) стремление к объективации знания за счет приведения данных из других научных источников; 3) логическую систему аргументации; 4) отказ от эмоциональной авторской оценки событий [20. С. 52–61]. В целом исторический научный текст выглядит гораздо более «научным» по отношению к текстам гуманитарного дискурса в целом в силу того, что в «нормальном» историческом тексте обычно представлен значительный фактографический материал, включающий разнообразные референтные единицы, позволяющие установить точный хронотоп события, его участников, единицы, фиксирующие количественные данные [20]. Однако несмотря на жесткий фактографический каркас, исторический научный текст, как и другие виды гуманитарных текстов, представляет метафорическую систему, репрезентирующую модель объекта.

Для иллюстрации этого положения рассмотрим систему текстовых метафор в работе С.Г. Кара-Мурзы «Гражданская война (1918–1921). Урок для XXI века» [21].

Уже в самом начале автор указывает на реалистичный, объективный характер собственной научной модели, противопоставляя ее существующим в этой области, он прибегает к метафоре, основанной на визуальном восприятии: *Эта книга — попытка немного сдвинуть пелену «красной» и «белой» мифологии*. Таким образом, автор оценивает существующие точки зрения на это историческое событие как нечто, затрудняющее нормальное визуальное восприятие, а следовательно, не позволяющее сделать правильные выводы об этом событии.

Обращаясь к этому событию, автор предлагает свою метафору для его понимания, она формируется на основе традиционной для интерпретации любой войны фреймовой структуры «гражданская война – это конфликт». Однако здесь же автор прибегает к метафорической оценке этого конфликта, характеризуя его посредством деструктивной метафоры: *Гражданская война – катастрофа более страшная, чем война с внешним врагом. Она раскалывает народ, семьи и даже саму личность человека, она носит тотальный характер и наносит тяжелые душевные травмы, которые надолго определяют жизнь общества*.

Далее автор трансформирует модель «гражданская война – дитя классового конфликта» – *Гражданская война в России была порождена не только классовым, но и цивилизационным конфликтом*, но в качестве «родителя» войны автор предлагает рассматривать не *классы*, а *цивилизации*. Таким образом, выстраивается модель «гражданская война – дитя конфликта цивилизаций».

Эта модель поддерживается далее системой текстовых метафор, актуализирующих бинарное противопоставление типов государственности: *Народ России в разгар войны был расколот примерно пополам (значит, не по клас-*

совому признаку). Уникальность русской революции 1917 г. в том, что с первых ее дней в стране стали формироваться **два типа государственности** – буржуазная республика и Советская власть. ...**Они находились на двух разных и расходящихся ветвях цивилизации. То есть их соединение, их «конвергенция» в ходе государственного строительства были невозможны.** Для того чтобы показать глубокое различие между этими типами государственности, автор прибегает к фитоморфной модели: **расходящиеся ветви цивилизации.**

Октябрьская революция – историческое событие, которое в силу своей многоаспектности и многофакторности может быть описано посредством потенциально неограниченного количества параметров, моделируется автором как **выбор цивилизации: Суть Октября как цивилизационного выбора отметили многие левые идеологи России и Европы.**

Какие же цивилизации имеются в виду? Как цивилизационный конфликт исследователь переосмысляет метафорическое противопоставление культур, разных, но объединенных географически в рамках одного материка: **Стоит обратить внимание на это настойчивое повторение идеи, будто советский проект и представлявшие его большевики были силой Азии, в то время как и либералы-кадеты, и даже марксисты-меньшевики считали себя силой Европы. Они подчеркивали, что их столкновение с большевиками представляют собой войну цивилизаций.**

Таким образом, гражданская война в России интерпретируется автором и метафорически представлена в тексте как «война Европы и Азии».

Эта метафора является ключевой для автора и проходит в различных вариациях через весь текст: **Самым судьбоносным результатом войны 1914 года является не поражение Германии, не распад габсбургской монархии, не рост колониального могущества Англии и Франции, а зарождение большевизма, с которым борьба между Азией и Европой вступает в новую фазу...**

Для усиления эффекта «различности» автор даже «помещает» Россию на отдельный континент: **Дело идет о мировом историческом столкновении между континентом Европы и континентом России...**

Гражданская война – реальное историческое событие – в тексте становится метафорой, посредством которой осмысляется различие государственных систем. Один из подзаголовков в тексте выглядит следующим образом: **Два типа государственности, ставших врагами.** Эта метафора образована на основе нескольких моделей: во-первых, метафорическая модель «некто – это человек» позволяет представить тип государственности как антропоморфное существо, способное вступать в отношения, свойственные человеку. Вторая модель «различие государственных систем – война» заостряет различия, противоречия, присущие определенному государственному строю в сравнении с другим. Эта модель репрезентируется в тексте лексемой **враги**, определяя тип отношений: враг – это тот, с кем воюют и кого нужно победить. Таким образом, фрейм «война» репрезентируется как напрямую, так и метафорически, усиливая смыслы противостояния.

Основное различие между государственными системами актуализируется представлением их посредством различных метафорических моделей. Государственная система Советов, поддерживаемая большевиками, интерпрети-

руется автором через растительную и анимационную модели: *В России Советы выросли именно из крестьянских представлений об идеальной власти. ...Важно то, что эта антибуржуазность органов рабочего самоуправления была порождена не классовой ненавистью, а именно вытекающей из мироощущения общинного человека ненавистью к классовому разделению, категорией не социальной, а цивилизационной.* Органическую взаимосвязь мироощущения, представлений о правде и справедливости русского народа и Советов автор представляет как **вырастание**, заостряя таким образом внимание на том, что этот тип государственной системы был наиболее близким, естественным для русского крестьянина. Далее автор соединяет несколько структурных метафорических моделей: «нечто (**ненависть к классовому разделению**) – природный, стихийный объект (**вытекающая**)» и «нечто (**ненависть к классовому разделению**) – живое существо (**порождает**)», и это существо соединено родственной связью с другим живым существом (**антибуржуазность органов рабочего самоуправления**). Использование этих метафорических моделей позволяет, во-первых, представить процесс формирования нового государственного строя как объективный, протекающий естественным образом, на ход которого человек не оказывает влияния: *Та сила, которая стала складываться после Февраля... была выражением массового стихийного движения*; во-вторых, представить его сквозь призму категории «свое – чужое»; в-третьих, как конструктивный – связанный с созданием новой жизни.

Другой тип государственной системы – буржуазно-либеральный – интерпретируется в противоположность первому как «чужой», заимствованный и неорганичный русскому менталитету. Отказ от буржуазно-либерального типа государственности представлен в тексте через метонимическую модель «несогласие – физическое действие, заставляющее объект двигаться в противоположном от субъекта действия направлении»: *Понятно, что попытка отодвинутых в Октябре буржуазно-либеральных движений силой вернуть Россию на траекторию создания общества и государства по типу западного капитализма (хотя бы периферийного) не могла не вызвать гражданской войны.* При этом конфликт в сфере мировоззрения представлен как взаимодействие объектов в физическом пространстве и «навязывание» «чужим» типом государственности направления движения в этом пространстве: *Понятно, что попытка отодвинутых в Октябре буржуазно-либеральных движений силой вернуть Россию на траекторию создания общества и государства по типу западного капитализма (хотя бы периферийного) не могла не вызвать гражданской войны.* Эта метафора вносит новый смысловой нюанс в развитие взаимодействия между «своим» и «чужим» типом государственности и народом: народ, выбрав «свой», имманентный ему тип государственности – траекторию движения, двигается в нужном направлении, а представители «чужого» типа пытаются силой заставить двигаться в другом, ненужном направлении, что и вызывает конфликт.

Позитивность образа советского типа государственности усиливается автором за счет обращения еще к одной древнейшей метафорической модели «созидание – строение», данная модель, кроме гносеологической, выполняет еще и оценочную функцию. Строительство противопоставляется разруше-

нию как позитивное действие негативному. Данная метафорическая модель представлена в тексте несколькими репрезентантами, актуализирующими понятийную область «строительство»: *Идейной основой его был не марксизм и вообще не идеология как форма сознания, а народная философия более фундаментального уровня; В этом и заключается кардинальная разница между большевиками, которые были частью глубинного народного движения, помогая строить его культурную матрицу, и их противниками и оппонентами, в том числе в марксизме, которые воспринимали это глубинное движение как своего врага, как бунт, как отрицание революции – как контрреволюцию; Принимая от большевизма формы и «систему строительства», народная революция, конечно, наполняла их существенно новым содержанием.*

Как можно убедиться, автор использует несколько частей понятийной сферы «строительство»: 1) актуализация семантического компонента «фундамент» позволяет расставить аксиологические акценты по принципу «более значимое то, на чем все держится (фундамент), – менее значимое то, что не существует без фундамента (надземная часть)»; 2) актуализация противоположно направленных действий «строить – разрушать» позволяет реализовать оценочные смыслы: «тот, кто строит, поступает хорошо», «тот, кто противодействует ему, – плохо»; 3) актуализация семантического компонента «обучение конструктивному действию» также способствует формированию положительной оценки по отношению к большевикам.

Итоговая метафора текста завершает формируемый автором образ, при этом он использует прием косвенной цитации для усиления эффекта объективности этой модели: *Год спустя сам М.М. Пришвин признает, что образ создаваемого Советского государства зарождался в самых глубинных слоях сознания и был новым воплощением традиционного представления о самодержавной власти.* В данном случае автор опять прибегает к целому ряду метафорических моделей анимационного типа: «некто (Советское государство) – живое существо», это существо «зарождается в глубине», так же как зарождается дитя у матери, и, соответственно, связь между советским типом государственности и русским менталитетом наиболее близкая и прочная, как между ребенком и матерью. И как ребенок является продолжателем рода, новым его воплощением, так и Советское государство является продолжением самодержавного типа государственности. Эта модель, выстраиваемая системой текстовых метафор, совершенно по-новому интерпретирует цепь исторических событий 1917–1918 гг. и формирует иной образ ситуации: естественное развитие русской государственности было нарушено насильственным воздействием представителей государственности западного типа (Февральская революция 1917 г.), но эта государственная система была отвергнута, т.к. не являлась органичной для русского народа, что повлекло за собой резкое обострение ситуации и войну, однако в этом конфликте государственность-агрессор (буржуазно-либеральная) была отвергнута окончательно – народ выбрал большевиков и Советское государство как новое воплощение традиционного типа государственности.

Перед нами смена сюжетов: исходный сюжет «смерть героя (самодержавие) – победа героя-завоевателя (Советское государство)» метафорически

трансформируется в сюжет «смерть героя (самодержавие) от врагов (западный тип государственности, Февральская революция) – его возрождение (Советское государство) и наказание врагов (победа в гражданской войне)». Имплицитная оценочность реализуется за счет апелляции к моделям, использующим культурно закрепленные оценочные смыслы: «свой – чужой», «креативность – деструкция».

Таким образом, несмотря на особую фактографичность исторического научного текста, формирование метафорического образа объекта описания осуществляется здесь примерно по тем же принципам, что и в текстах других гуманитарных областей. Специфичной является, пожалуй, латентная оценочность, реализуемая за счет апелляции к моделям, неамбивалентным в аксиологическом отношении, имеющим культурно закрепленные оценочные смыслы: «свой – чужой», «креативность – деструкция». Мысль об особом типе оценочности исторического текста была высказана в работе Ф. Анкерсмита: «Экспрессивные механизмы естественного языка, используемые в историческом нарративе, заставляют «вращаться шестеренки психологического механизма в сознании читателя таким образом, чтобы это создавало «образ» прошлого или «воскрешало» прошлое» [3. С. 31]. При этом исследователь особо подчеркивает роль языковых механизмов, которыми оперирует историк: «Структура нарратива – это структура, которая придает или навязывается прошлому, она не является результатом рефлексии над родственной структурой, объективно присутствующей в самом прошлом» [3. С. 128].

Итак, посредством использования различных текстовых метафор в научном гуманитарном тексте формируется целостная метафорическая модель объекта описания, она носит гносеологический характер – позволяет представить новые аспекты исследуемого явления, но может и формировать отношение к тому или иному событию, явлению или феномену.

Литература

1. Резанова З.И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс / З.И. Резанова, Л.И. Ермоленкина, Е.А. Костяшина и др.; ред. З.И. Резанова. Томск, 2010.
2. Автономова Н.С. Рассудок, разум, рациональность. М.: Наука, 1988.
3. Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков / пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова. М.: Идея. Пресс, 2003.
4. Гусев С.С. Наука и метафора. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984.
5. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 33–44.
6. Манин Ю.И. Математика как метафора. М., 2008.
7. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 68–82.
8. Петров В.В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск: Наука, 1985. С. 196–220.
9. Седов А.Е. Метафоры в генетике // Вестн. Рос. акад. наук. 2000. Т. 70, № 6. С. 526–534.
10. Black M. Models and Metaphors. Ithaca: Cornell University Press, 1962.
11. Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Изв. АН. Сер. Лит. и языка. 2004. Т. 63, № 1. С. 33–43.
12. Резанова З.И. Пространственные метафоры в лингвистическом тексте // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте. Томск, 2007. С. 326–357.
13. Резанова З.И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2007. № 1. С. 18–29.

14. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.
15. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // *Cognitive Science*. 1998. №. 2.
16. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет / пер. с фр. М., 1996. 448 с.
17. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
18. Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010.
19. White H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore; London, 1978.
20. Можяева Г.В., Мишанкина Н.А. Контент-анализ историографического источника (к вопросу о междисциплинарности лингвистических методов) // *Вест. Том. гос. ун-та*. 2007. № 294. С. 52–61.
21. Кара-Мурза С.Г. *Гражданская война (1918–1921): Урок для XXI века* М.: ЭКСМО, 2003.